ПСЕВДОЭПИГРАФЫ ИОАННА ЗЛАТОУСТА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЕГО АГИОГРАФИИ

А.С. Балаховская

Сочинений, которые приписываются свт. Иоанну Златоусту, но подлинным автором которых он не является, великое множество. Де Альдама, автор книги «Repertorium pseudochrysostomicum»[1], называет, приводя убедительные аргументы и мнения авторитетных исследователей творчества Иоанна Златоуста, 581 сочинение, ошибочно приписываемое Константинопольскому епископу. Однако для исследователя агиографической традиции этого святого среди множества псевдоэпиграфов особый интерес представляет группа памятников, относящихся ко времени ссылки Иоанна Златоуста и объединенных общим пафосом и тематикой. Написанные якобы самим Иоанном Златоустом, они характеризуются духом вражды и недоброжелательства по отношению к своим противникам — духом, который был чужд Константинопольскому предстоятелю. Этими псевдоэпиграфами являются: беседы «Ante exilium» («Перед отправлением в ссылку»)[2], «Cum iret in exilium» («Когда он отправлялся в ссылку»)[3], проповедь «Опять Иродиада беснуется...»[4] и послание Иоанна Златоуста к епископу Кириаку[5].

Остановимся более подробно на послании Иоанна Златоуста к епископу Кириаку. Проблемы, связанные с этим письмом, подробно рассматриваются в исследовании П. Николопулиса «Неподлинные письма Иоанна Златоуста»[6]. Рукописная традиция знает два письма Кириаку. Первое из них известно в трех формах (условно α′, β′, γ′) и представляет собой различные комбинации отрывков, взятых из 1-го и 3-го писем Златоуста к Олимпиаде. Второе письмо заимствовано из 3-го письма Олимпиаде.

Наибольший интерес представляет форма β′ первого письма Кириаку, которое начинается словами: «Дай я опять облегчу рану твоей глубокой скорби...». Этот вариант состоит из пяти частей. Первые три из них являются (с небольшими изменениями) отрывками из 1-го и 3-го писем Олимпиаде. Две другие части характеризуются тем, что в них содержатся обвинения императрице Евдоксии, как единственному лицу, которое несет ответственность за низложение и ссылку святого, и оскорбительную характеристику епископу Арсакияю[7].

Приведем несколько отрывков из этого письма:

«Вот я, когда изгоняли меня из города, не заботился ни о чем этом и говорил самому себе: если императрица хочет отправить меня в ссылку, пусть ссылает, — *Господня земля и все, что наполняет ее* (Пс. 23,1). Если она хочет перепилить меня пилой, пусть перепилит, — у меня есть образец — Исайя. Если желает повергнуть меня в море, я припомню Иону. Если желает бросить меня в печь, — есть три отрока, которые претерпели то же самое. Если желает отдать меня зверям, — я припомню Даниила, брошенного львам в яме. Если желает побить меня камнями, пусть побивает, — у меня есть первомученик Стефан. Если желает взять мою голову, пусть возьмет, — у меня есть Иоанн Креститель...»[8].

---

[1] *De Aldama J.A.* Repertorium pseudochrysostomicum. Paris, 1965.

[2] PG 52, 431–432; *De Aldama J.A.* Op. cit. № 18 (422). P. 155.

[3] PG 52, 435–438; *De Aldama J.A.* Op. cit. № 528. P. 198.

[4] PG 59, 485–490; *De Aldama J.A.* Op. cit. № 381. P. 139.

[5] PG 52, 681–685; *De Aldama J.A.* Op. cit. № 531. P. 198.

[6] *Nicolopoulis P.* Les letters inauthentiques de saint Jean Chrisostome // Analecta Blatadon 18. Symposion: Studies on st. John Chrysostom. Thessalonike, 1973. P. 125–128.

[7] Ibid. P. 126.

[8] PG 52, 682–683. Перевод на русский язык тексов псевдоэпиграфов с незначительными изменениями приводятся по изданию: Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. (Репринт).

«Слышал я и об этом шуте (περὶ τοῦ λῆρου) Арсакие[9], которого императрица посадила на кафедру, что он подверг бедствиям всю братию, не пожелавшую иметь с ним общение; многие таким образом даже умерли из-за меня в темнице. Этот волк в овечьей шкуре, хотя по наружности епископ, но на деле прелюбодей, потому что как женщина, при живом муже живя с другим, становится прелюбодейцею, так равно прелюбодей и он, не по плоти, но по духу, еще при моей жизни восхитил церковную кафедру. Я пишу тебе это письмо из Кукуза, куда велела сослать нас императрица»[10].

Эти высказывания, характеризующиеся такой грубостью и резкостью, через которые сквозит гордость и недоброжелательство, совершенно не согласуются с образом мысли как самого Иоанна Златоуста, так и его сторонников, и это обстоятельство дает веские основания предполагать, что, первое письмо к Кириаку в форме β΄ является сознательной фальсификацией, исходящей из лагеря врагов святого[11].

Другим образчиком литературной фальшивки, вышедшей из лагеря врагов Златоуста, является проповедь «Опять Иродиада беснуется...»[12]. Эта проповедь получила широкую известность благодаря тому, что о ней было рассказано Сократом, а вслед за ним и Созоменом[13]. Беседа заключает в себе следующие слова, относящиеся к императрице Евдоксии: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует, чтобы голова Иоанна Крестителя была беззаконно отсечена Иродом. Вновь ходит кругом Иезавель, стремясь похитить виноградник Навуфея»[14].

Еще одним примером псевдоэпиграфической литературы, возникшей в период ссылки Иоанна Златоуста, являются «Беседа перед отправлением в ссылку» и «Беседа, когда отправлялся в ссылку». Сравнение императрицы с нечестивыми библейскими персонажами Иезавелью и Иродиадой в беседе «Перед отправлением в ссылку» содержится в двух последних ее параграфах, которые как раз и признаются не аутентичными: «Порождения аспида еще процветают; еще осталось семя Иезавели, но еще подвизается и благодать с Илиею. Вспомним дивного и богатого благовестника жизни, то есть Иоанна, бедняка, у которого не было даже и светильника, но который имел лампаду Христову, которого главы пожелала сослужительница Евы, бывшая препятствием для святых... Теперь опять семя той Иезавели, это тернистое произрастание обнаруживается и преуспевает. Но тогда, как Иродиада требует головы Иоанна, мы ликуем...»[15].

Беседа «Когда отправлялся в ссылку» признана полностью не аутентичной. В ней также упоминаются имена Иезавели и Иродиады: «Братия, станем ли мы изощрять язык против царицы? Но что мне сказать? Иезавель неистовствует и Илия убегает; Иродиада веселится, и Иоанн заключается в узы; египтянка клевещет, и Иосиф отводится в темницу... А эта беззаконная и ненавистная, эта, говорю, новая Иезавель не взывает и не говорит,.. но посылает ко мне консулов и трибунов и только угрожает»[16].

Все эти псевдоэпиграфы, содержащие оскорбительные для врагов Иоанна Златоуста сравнения, объединяет одна общая идея: скомпрометировать святого, воспользовавшись тем, что он действительно обладал дерзновением перед власть имущими[17], но представить его дерзновенное слово так, чтобы оно выглядело оскорбительным, а сам

---

[9] PG 104, 288. Фотий Константинопольский в 277 кодексе «Библиотеки» обращает внимание на письмо к Кириаку. Он пишет, что Иоанн Златоуст называет Арсакия «пустым человеком (болтуном) и прелюбодеем» (λῆρον καί μοιχόν) и «хвалит тех, кто отвратился от общения с ним». Далее Фотий замечает, что эти слова противоречат тому, чему ранее учил Златоуст, т.е. не отступать от церковного общения. Однако он не решается признать письмо не подлинным, замечая лишь, что Златоуст изменил свою точку зрения, поскольку те, кто его несправедливо изгнал, преследовали и его сторонников».

[10] PG 52, 685.

[11] *Nicolopoulis P.* Op. cit. P. 126.

[12] PG 59, 485–490.

[13] *Socrates.* Historia Ecclesiastica / PG 67, 716–720, 1568–1569.

[14] Ibid. 59, 485.

[15] Ibid. 52, 431.

[16] Ibid. 52, 437–438.

[17] *Palladios.* Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome / Sources chrétiennes. № 341 (далее: *Palladios.* Dialogue...). Paris, 1988. V. 1. P. 372 [рус. перевод: Древние жития святителя Иоанна Златоуста (далее: Древние жития...). М., 2007. С. 151]. Палладий Еленопольский в «Диалоге» говорил о том, что любовь была неотъемлемой составляющей дерзновенного

Златоуст гордым и непримиримым[18]. В первых трех случаях императрица Евдоксия сравнивается с нечестивыми библейскими царицами Иезавелью и Иродиадой, а в последнем — Арсакий Константинопольский, занявший кафедру после низложения Иоанна Златоуста сравнивается с шутом (пустым человеком).

Можно предположить, что эти псевдоэпиграфы имеют общее происхождение. Во-первых, во всех них фигурируют имена Иезавели и Иродиады, а, во-вторых, в письме к Кириаку и в беседах «Перед отправлением в ссылку» и «Когда отправлялся в ссылку» имеются сходные строчки.

Письмо к Кириаку: «Вот я, когда изгоняли меня из города, не беспокоился ни о чем этом и говорил самому себе: если императрица хочет отправить меня в ссылку, пусть ссылает, — *Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1)»[19].

Беседа «Перед отправлением в ссылку»: «Чего, скажи мне, бояться нам?.. Ссылки ли, скажи мне? *Но Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1)»[20].

Беседа «Когда отправлялся в ссылку»: «Дети мои, меня намереваются убить? Но что мне бояться смерти?.. Пошлют в ссылку? *Но Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1)»[21].

Как возникли эти псевдоэпиграфы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к истории раскола в константинопольской Церкви, связанного с низложением Иоанна Златоуста. Основным источником, который свидетельствует об этом расколе, является мало известный в отечественной науке памятник, авторство которого приписывается Мартирию, епископу Антиохийскому. Он представляет собой надгробное слово Иоанну Златоусту, произнесенное по поводу получения известия о его кончине. Долгое время этот памятник считался компиляцией, относящейся к VII в. и не рассматривался как важное историческое свидетельство. Лишь в 70-х гг. прошлого века ученый-болландист Ф. ван Оммеслеге убедительно доказал, что он создан анонимным современником и сподвижником Иоанна Златоуста и заключает в себе уникальные факты, касающиеся биографии Иоанна Златоуста[22].

Псевдо-Мартирий Антиохийский говорит о том, что уже в то время, когда Иоанн Златоуст должен был возглавить Церковь столицы, существовала

слова Иоанна Златоуста. «Но как от мира неотделимо благовоние, так от дерзновенного слова — любовь. И если бы обвинения были произнесены частным образом в присутствии слуг, друзей или ближних, перед которыми трудно краснеть, равным образом был бы виноват говорящий дерзновенно, не узнав ни времени, ни места. Если же в церкви, подобно тому, как на рынке, существуют похвалы для исправляющихся и порицания для нерадивых, почему мы сердимся на обвинения, обращенные к нам анонимно и для пользы?».

[18] Свидетельства о том, что враги называли Иоанна Златоуста гордым и что его обвиняли в неуместном дерзновении, находятся в «Диалоге» Палладия, который является ответом на клевету его врагов. Например, в XVIII главе: «Однако блаженный Иоанн не сообразовывался со временем, поскольку не следует посягать на тех, кто находится у власти»; в XIX главе: «Он редко встречался с кем-либо вне Церкви и что он весьма стеснялся проводить время с первым встречным. Избегать общения с первым встречным — это доказательство презрения и надмения» (*Palladios.* Dialogue... P. 368, 378; Древние жития... С. 149, 152). Среди обвинений собора «у Дуба» также существуют такие, где Златоуст обвиняется в гордости и презрительном отношении к людям. «Он оскорблял клириков, [называя их] бесчестными, развращенными, ни на что негодными, не стоящими трех оболов». «Святого Епифания он называл пустым человеком (λῆρον) и маленьким демоном». «Он оскорбляет клириков неслыханными оскорблениями». (*Palladios.* Dialogue... V. 2. P. 102, 110; Древние жития. С. 517, 519). Обратим внимание также на то, что и в письме к Кириаку, и в обвинениях собора «у Дуба» употреблено одно и то де слово: λῆροθ, в одном случае применительно к епископу Арсакию, а в другом — к Кириаку. Обращает на себя внимание сходство стилистики письма к Кириаку и обвинений собора.

[19] PG 52, 682–683.

[20] Ibid. 427.

[21] Ibid. 435.

[22] См. его работы: *Ommeslaeghe F., van.* De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Maryrius van Antiochie (далее: De lijkrede...) / Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek. Louvain, 1974; *Idem.* La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrios d'Antioche (BHG 871): Communication à la VI-e Conference internationale d'Etudes patristiques. Oxford, 1971 // Studia Patristica. Berlin, 1975. P. 478–483; *Idem.* Que vaut témoinage de Pallade sur le process de saint Jean Chrysostome? // Analecta Bollandiana. V. 95. Bruxelles, 1977. P. 389–414; *Idem.* Jean Chtysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie // Analecta Bollandiana. V. 97. Bruxelles, 1978. P. 131–159; *Idem.* Jean Chrysostome et le peoples de Constantinoples // Analecta Bollandiana. V. 99. Bruxelles, 1981; *Idem.* CHRYSOSTOMICA: La nuit de Pâques 404 // Analecta Bollandiana. V. 110. Bruxelles, 1992. P. 123–134.

партия противников его церковных и социальных преобразований. Она включала в себя представителей епископата и клира, а также константинопольской знати[23]. Вместе с тем существовала и партия сторонников святого. Впоследствии, после низложения и изгнания Златоуста, его многочисленные сторонники не признали новую церковную власть, поддерживаемую его врагами, в результате чего совершился церковный раскол: сторонники Иоанна Златоуста образовали так называемую «партию иоаннитов», находившуюся в непримиримой оппозиции к официальной церковной власти[24].

Настроение партии сторонников опального епископа после его отъезда в ссылку в Кукуз прекрасно изображены в «Надгробном слове» пс.-Мартирия: «Да будет известно всем людям, — говорит автор произведения, — что не будет никакого общения между теми, кто был убит, и их убийцами, и мы не потерпим того, чтобы приступать к жертве, которую, с одной стороны, совершило сердце, все еще жаждущее нашего убийства, а с другой — язык и рука, обагренные кровью праведника и его чад»[25].

В ответ на эту принципиальную и мужественную позицию тех, кто остался верен своему епископу, враги его, сознавая, что и собор «у Дуба» и второй собор, созванный против Иоанна Златоуста после его возвращения из первой ссылки по инициативе его явных врагов[26], были незаконны, чтобы оправдать свои действия и создать в общественном мнении негативный образ святого, прибегли к составлению литературных фальшивок, или псевдоэпиграфов, которые якобы исходили от самого Иоанна Златоуста и в которых он был представлен суровым, гордым, надменным и непримиримым[27].

Агиографическая традиция Иоанна Златоуста складывалась постепенно. Первыми, посвященными ему агиографическими памятниками, были произведения его друзей и современников — «Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста» и уже упоминаемое нами «Надгробное слово» пс.-Мартирия Антиохийского. Оба эти произведения были созданы приблизительно в одно и то же время, около 408 г., непосредственно после кончины святого. Поскольку они были созданы в то время, когда Иоанн Златоуст еще не был реабилитирован, то их авторы, каждый по-своему, являются страстными защитниками Иоанна Златоуста от ложных обвинений. С другой стороны, в силу того, что эти произведения написаны современниками и непосредственными очевидцами произошедших событий, они являются ценными историческими источниками.

Иной характер носит «Житие Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского. Его автор не был непосредственным свидетелем произошедшего. Памятник был создан в середине VII в., приблизительно два века спустя после прославления Иоанна Златоуста в сонме святых. Его появление было следствием и одновременно отражением существовавшего уже долгое время церковного почитания бывшего некогда опальным константинопольского епископа, и создатель жития видел свою задачу в том, чтобы объединить в связное и исторически последовательное повествование все существующие доступные ему источники, рассказывавшие о житии прославленного святого: «Мы,.. — писал он, — считаем несправедливым изображать таковые его добродетели по отдельности, но, прежде всего,

[23] Против хиротонии Иоанна Златоуста во епископа, — говорит он, — было много «возражающих, и знатных, и небезызвестных, с одной стороны, принадлежащих к тому великому и блестящему собранию, а с другой — хвалящиеся, что они прожили всю жизнь в составе клира, думающих и мечтающих, что благодаря возрасту, без всяких возражений им полагается эта должность» (De lijkrede... P. 55–56; Древние жития... С. 187).

[24] *Sozomen.* Historia Ecclesiastica // PG 67, 1569; 261; *Socrates.* Historia Ecclesiastica / PG 67, 721.

[25] De lijkrede... P. 141; Древние жития... С. 246.

[26] De lijkrede... P. 106; Древние жития... С. 221. Пс.-Мартирий Антиохийский свидетельствует, что основным инициатором этого собора был Леонтий, епископ Анкиры Галатийской: «...Один лишь Галатиец, пришедши, словно он превосходил разумом и благочестием столь великое собрание старцев, будучи искушен в знании церковных законов, конечно, задумывая противное святым отцам, измыслил против отца, чтобы об отце всех и общем благодетеле священства и царства было вынесено решение теми, кто находится у власти. И второе собрание составил он один, и еще кто-то, если он присоединился позже».

[27] О возникновении этих псевдоэпиграфлв подробно писал Ф. ван Оммеслеге — см.: *Ommeslaeghe F., van.* Jean Chtysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. P. 156.

[считаем необходимым] сплести рассказ в некое единое целое, чтобы к связанному золотыми узами ничего из них не прибавить»[28].

Вызывает сомнение, что автором этого жития действительно был патриарх Георгий Александрийский (620–630), как это убедительно показал К. Баур, однако этот ученый полагает, что его неизвестный автор принадлежал к монашеской среде и имел священный сан[29]. Как считает К. Баур, произведение было создано либо в самом Риме, либо в его окрестностях, поскольку оно имеет ярко выраженную ромофильскую окраску[30]. Временем создания «Жития» следует считать интервал между 630 и 726 гг.

Во вступлении к «Житию» автор сам перечисляет те материалы, которые использовал в своей работе: «Некоторые факты, — писал он, — мы почерпнули из известного *диалога епископа Палладия* с диаконом Римской Церкви Феодором, поскольку этот епископ в то время находился в Константинополе и следовал всему написанному раньше, впоследствии же, вернувшись в тот город, где был епископом, гнушался даже общения с составившими заговор против блаженного Иоанна, а тем более их главы, и не канонично осудивших его. А некоторые — из сочинений церковного *историка Сократа*, но и *из других списков*, некоторые же — из *рассказов верных иереев и богобоязненных мирян*, удостоверивших страшными клятвами, которые мы получили письменно, то, о чем они нам рассказывали... Если же записи о его добродетели являются по большей части простыми, но тем не менее удовлетворяют благоразумно слушающих, то и таковые показывают горение святого сего к божественной ревности, его незапятнанность, доблестный образ его жизни и то, как он был попечителем человеческих душ, будучи во всем подражателем святейшего апостола Павла и безукоризненным толкователем Божественных Писаний, истолковывая их и проливая свет на непонятное для многих. Подобным образом были найдены и *другие сочинения*, написанные некими трудолюбивыми [людьми], оставшимися неизвестными для нас, которых побудило [к этому] дивное житие этого мужа. И ни одному да не будет оказано недоверие, но да будет благоразумно и оно принято»[31] (курсив наш. — *А.Б.*).

Итак, сам автор «Жития» называет в числе своих источников такие знаменитые произведения, как «Диалог Палладия», «Церковную историю» Сократа Схоластика. Помимо них, он упоминает и некоторые другие сочинения. Подробное описание источников «Жития Иоанна Златоуста» имеется в статье К. Баура «Георгий Александрийский»[32]. Кроме «Диалога» Палладия и «Церковной истории» Сократа из числа наиболее значимых источников, К. Баур называет «Церковную историю» Феодорита Кирского и некоторые творения самого Иоанна Златоуста[33].

Однако один очень важный для понимания «Жития» источник, приписываемый Георгию Александрийскому, К. Баур не упоминает. Этим источником как раз является письмо Иоанна Златоуста к Кириаку в форме β′. Оно упоминается автором «Жития» в 67 главе при перечислении тех лиц, которым Златоуст писал из ссылки[34], а в 26 главе «Жития» находятся слова, которые можно рассматривать как прямое заимствование из письма к Кириаку. Отрывок из 26 главы выглядит так: «И хотя те отцы, которые были до него, и те, которые — после него, не уступали ему, но тем не менее он имеет особую благодать, так как даже в ссылке он нисколько не беспокоился (ἐφρόνπζεν) о себе, как многие другие, но всегда воспевал двадцать третий псалом*: Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущие в ней* (Пс. 23, 1)»[35].

А вот отрывок из письма к Кириаку: «Вот я, когда изгоняли меня из города, не беспокоился (ἐφρόνπζεν) ни о чем этом и говорил самому себе:

[28] *Douze* récits byzantins sur saint Jean Chrysostome (далее: Douze récits...) / Publié par François Halkin. Bruxelles, 1977. P. 72; Древние жития... С. 251.

[29] *Baur Ch.* Georgius Alexandrinus // Byzantinische Zeitschrift, 1927. S. 3–6.

[30] Ibid. S. 6.

[31] Douze récits... P. 72–73; Древние жития... С. 250–251.

[32] *Baur Ch.* Georgius Alexandrinus. S. 7–16.

[33] *Theodoret*. Historia Ecclesiastica: Liber Quintus / PG 82, 1198–1278.

[34] Douze récits... P. 258; Древние жития... С. 344.

[35] Douze récits... P. 141–142; см. также Пс. 23, 1. С. 304.

если императрица хочет отправить меня в ссылку, пусть ссылает, — *Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1)»[36].

Аналогичные слова, как мы помним, находятся и в беседах «Перед отправлением в ссылку» и «Когда отправлялся в ссылку», однако отрывок из письма к Кириаку ближе к тексту «Жития», чем отрывки из обеих бесед. Таким образом, следует предположить, что именно письмо к Кириаку послужило одним из источников для 26 главы «Жития».

Как же могло случиться, что документ, вышедший из среды врагов Иоанна Златоуста, желавших его скомпрометировать, сделался составной частью «Жития», целью которого было возвысить и прославить святого?

Церковный раскол, начавшийся в 404 г., был частично преодолен в 417 г., когда имя Иоанна Златоуста было внесено в диптихи константинопольской Церкви. В 438 г. при императоре Феодосии II и патриархе Прокле мощи святителя были торжественно перенесены из Коман в Константинополь, что знаменовало собой окончательное примирение двух враждующих партий.

Это церковно-политическое примирение между враждующими сторонами повлекло за собой и их идеологическое примирение. Острые грани между двумя враждебными лагерями стерлись, и литературная полемика начала V в. перестала быть актуальной. Более того, по словам Ф. ван Оммеслеге, при Феодосии II, стремившемся достичь полного примирения партий, была дана установка сознательно избегать спорных моментов и не привлекать внимания к острой борьбе начала века[37]. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что «Надгробное слово» пс.-Мартирия Антиохийского, которое содержит в себе резкие обличения церковных властей, принадлежащих к враждебной Златоусту партии, оказалось в этот момент политически некорректным и в дальнейшем не получило большой известности.

Что же касается псевдоэпиграфов, созданных в среде противников Иоанна Златоуста, то они парадоксальным образом, наоборот, были востребованы и вошли в народный обиход. Об этом свидетельствует «Житие св. Иоанна Златоуста» Феодора Тримифунтского, которое является образчиком низовой народной агиографии. Составитель этого «Жития» был знаком с проповедью «Опять Иродиада беснуется...». Мы находим здесь почти буквальное заимствование из нее: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь Иезавель хочет похитить виноградник Навуфея (Ναβοθὲ τὸν ἀμπελῶνα διαρπάσαι βούλεται)»[38].

Приведем для сравнения текст из псевдоэпиграфа: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует, чтобы голова Иоанна Крестителя была беззаконно отсечена Иродом. Вновь ходит кругом Иезавель, стремясь похитить виноградник Навуфея (ζητοῦσα τοῦ Ναβουθὶ τὸν ἀμπελῶνα ἁρπάσαι)»[39].

Для «Жития», приписываемого Георгию Александрийскому, характерна идеологическая тенденция, возобладавшая при Феодосии II. Мы не найдем среди его источников ни «Надгробного слова» пс.-Мартирия, ни «Церковной истории» Созомена, который при создании своего труда использовал произведение пс.-Мартирия[40]. Несмотря на то, что, как декларировал сам автор, он стремился собрать максимальное количество сведений об Иоанне Златоусте, он незаслуженно игнорирует эти произведения именно потому, что они из-за сложившейся политической конъюнктуры были незаслуженно забыты, но зато включает в него, не ведая этого, сочинения врагов святого[41].

«Письмо к Кириаку» — не единственный источник, отражавший точку зрения противной Иоан-

---

[36] PG 52, 682–683.

[37] *Ommeslaeghe F., van.* La nuit de Pâque. P. 133.

[38] Douze récits... P. 24.

[39] PG 59, 485.

[40] *Ommeslaeghe F., van.* La nuit de Pâque. P. 132–133.

[41] Ibid. P. 133. В отличие от «Надгробного слова» пс.-Мартирия, «Диалог» Палладия не только не был забыт, но получил большую известность. Причиной этому является то обстоятельство, что, как замечает Ф. ван Оммеслеге, он по своему содержанию был менее радикален, чем «Надгробное слово », в котором открыто призывалось отказаться от всякого общения с теми, кто незаконно занял константинопольский престол после Златоуста, и тем самым менее «опасен», чем «Надгробное слово».

ну Златоусту партии, используемый в «Житии» К этой категории источников следует отнести уже упоминаемую выше «Церковную историю» Сократа, который весьма пристрастно писал о Златоусте, возлагая, главным образом, на него вину за конфликт, произошедший между ним и константинопольской знатью и клиром. Именно благодаря Сократу многие тенденциозные характеристики Иоанна Златоуста, в том числе проповедь «Опять Иродиада беснуется», сделались составной частью «Жития», приписываемого Георгию Александрийскому[42].

Следует, однако, отметить, что в «Житии», которое приписывается Георгию Александрийскому, самые резкие характеристики Иоанна Златоуста смягчены. Так, слова из письма к Кириаку: «если императрица хочет отправить меня в ссылку, пусть ссылает» не включены в текст «Жития». То же самое можно сказать о некоторых высказываниях Сократа в «Церковной истории». Например, в рассказе «Жития» об отъезде Епифания Кипрского из Константинополя, являющимся прямым заимствованием из «Церковной истории», где имеются следующие слова: «Епифаний в страхе удалился из церкви и, осыпав Иоанна жестокими укоризнами, отплыл на Кипр»[43], выпущен деепричастный оборот: «осыпав Иоанна жестокими укоризнами». Аналогичное смягчение агиографом оценок, данных Сократом Златоусту, имеет место и в той главе «Жития», в котором говорится о дерзновенных речах святого. Сюда включен следующий отрывок из «Церковной истории»: «Пока Иоанн нападал только на клир, дотоле питаемые против него замыслы были слабы, но когда он начал более надлежащего обличать и правительственные лица, тогда возгорелась против него большая ненависть»[44].

В тексте «Жития» слова «более надлежащего» выпущены.

Тем не менее влияние литературы, отражающей точку зрения врагов Златоуста на его образ имело большое значение для содержания «Жития», приписываемого Георгию Александрийскому, и не ограничилось только прямым включением в него ее отрывков, но воздействовала на формирование его образа и косвенно.

В «Житии» содержится легенда о винограднике вдовы Феогноста, который незаконно присвоила себе императрица Евдоксия[45]. Златоуст заступился перед императрицей за вдову, но поскольку Евдоксия не согласилась вернуть виноградник, он оскорбил ее, сравнив с нечестивой библейской царицей Иезавелью, очевидно, имея в виду параллель с библейской легендой (3Цар. 21), а впоследствии отдал приказ, чтобы ей не было дозволено войти в храм, где он служил. По своему духу и по упоминанию имени Иезавели эта легенда близка к псевдоэпиграфам, представляющим Иоанна Златоуста жестким и гордым. О ней не упоминается ни в одном из ранних памятников, посвященных св. Иоанну Златоусту, и своим источником она имеет полемику между партиями сторонников и противников святого[46].

Образы пророка Илии, с одной стороны, и Иезавели — с другой, были популярны в среде сторонников Златоуста[47]. Об этом свидетельствует «Надгробное слово» пс.-Мартирия, отражающее настроения «иоаннтитов»: здесь неоднократно проводится параллель, с одной стороны, между Иоанном Златоустом как защитником угнетенных и обиженных, и пророком Илией, а с другой — между жестокой императрицей Евдоксией и Иезавелью. Например, во вступлении к произведению, где

[42] *Ommeslaeghe F. van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. P. 151. Ф. ван Оммеслеге неоднократно отзывался о Сократе как об авторе, который в своем сочинении отражал точку зрения враждебной Златоусту партии и писал о его «Церковной истории», что «одним из источников, из которого Георгий Александрийский и последующие агиографы совершали заимствования, был недоброжелателен по отношению к Златоусту» (Ibid. P. 158–159). Использование Георгием Александрийским в качестве источника письма к Кириаку — еще одного памятника, в котором выражено недоброжелательство по отношению к святому и желание его скомпрометировать, подтверждает мысль ученого о том, что «Житие» Георгия Александрийского являлось своеобразным «проводником» идей, искажавших образ святого.

[43] *Socrates.* Historia Ecclesiastica // PG 67, 708A.

[44] Ibid. 672C–673A.

[45] Эта легенда весьма схожа с библейским повествованием о винограднике Навуфея, который царь Ахав присвоил себе с помощью царицы Иезавели (3Цар. 21, 1–15). Пророк Илия обличает Ахава и тот раскаивается (3Цар. 21, 17–27).

[46] «Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie». Убедительная гипотеза о происхождения этой легенды принадлежит Ф. ван Оммеслеге, который при этом опирался на «Надгробное слово» пс.-Мартирия, и изложена в этой статье.

[47] *Ommeslaeghe F., van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. P. 155.

Златоуст сравнивается с теми святыми, которые с радостью встретили его в раю, говорится и о пророке Илии и о Иезавели: «Любит и Илия ревностного борца с Иезавелью, много сражавшегося с богоборицей»[48].

Во второй раз Иезавель упоминается, когда автор влагает в уста диавола слова о том, как он может погубить Иоанна: «Я некогда убедил Иезавель убить того Навуфея. И ныне у меня есть пресвитеры, обученные науке доноса, есть и такая женщина, именно та, которую я соблазнил ненасытным стремлением к сребролюбию, облеченная могуществом и в то же время подверженная множеству пороков: для нее он очень обременителен и жжет ей глаза»[49].

В третий раз пс.-Мартирий говорит об Иезавели в конце произведения, негодуя на тех, кто после кончины Иоанна Златоуста вступает в евхаристическое общение с Аттиком Константинопольским: «Что ты говоришь, о человек? Почему ты не имел общения из-за беззакония? И почему имеешь общение после убийства под тем предлогом, что убийство его уничтожило? Или и Иезавель ты до похищения виноградника Навуфея ненавидел, а после того, как она отняла его ценой жизни, ты тотчас уничтожил ненависть к ней?»[50]

В произведении пс.-Мартирия эти сравнения являются всего лишь литературным приемом. Однако благодаря тому, что образы пророка Илии и Иезавели тесно ассоциировались в народном сознании с Иоанном Златоустом и императрицей, после перенесения мощей святого в Константинополь и примирения враждующих партий происходит подмена. Место забытого «Надгробного слова» пс.-Мартирия, где эти образы были использованы лишь в качестве литературного приема и где нет ни малейшего намека на то, что сам Златоуст когда-либо пользовался такими параллелями, заняли приписываемые Златоусту проповеди, в которых сам святой оскорбляет императрицу сравнением с нечестивой Иезавелью и имевшие своей первоначальной целью его компрометацию. Именно они и послужили основой для формирования легенды о винограднике вдовы Феогноста.

В VI в. агиограф, составивший «Житие Порфирия Газского», еще не знал этой легенды. Здесь говорится лишь о том, что когда Порфирий Газский вместе со своими спутниками прибыл к Иоанну Златоусту с просьбой о помощи в борьбе с язычеством в Газе, то тот ответил: «Я не могу говорить с императором, ибо его настроила против меня императрица, потому что я обвинил ее из-за собственности, которую она хотела похитить»[51].

Таким образом, речь здесь пока идет только о конфликте Иоанна Златоуста с императрицей из-за собственности, конкретно виноградник не упоминается. По мнению А. Грегуара, ученого опубликовавшего критическое издание «Жития Порфирия Газского», в этом памятнике мы имеем дело с «рудиментарной формой легенды о винограднике Феогноста, предшествующей «Житию» Георгия Александрийского[52]. Впоследствии же в массовом сознании память об Иоанне Златоусте как защитнике обиженных, с одной стороны, и персонажи библейского повествования о винограднике Навуфея — с другой, слились с фигурой Златоуста как обличителя императрицы Евдоксии, и возникшая легенда нашла отражение в посвященных ему агиографических памятниках.

Легенда о винограднике свидетельствует о том, как дух вражды и жестокости, который имел место в псевдоэпиграфической литературе, был невольно воспринят массовым сознанием. Тенденция изображать Иоанна Златоуста суровым и жестоким проявляется не только в этой легенде, но и в других легендах, включенных в это «Житие», например, повествовании о явлении Иоанну Златоусту накануне кончины апостолов Петра и Иоанна. Апостолы, явившись, сказали Иоанну: «Ты обличил царей, живущих нечестиво, будучи подражателем Иоанна Крестителя, изобличившего Ирода из-за Иродиады, жены Филиппа, брата своего. Поэтому будь сильным и мужайся, ибо награда твоя велика в Царстве Небесном... Евдоксия же будет искать твоей помощи и не найдет тебя и умрет от болезни своей в больших страданиях, потому что поразит ее Господь»[53].

---

[48] De lijkrede... P. 45; Древние жития... С. 180.

[49] De lijkrede... P. 74; Древние жития... С. 198–199.

[50] De lijkrede... P. 139; Древние жития... С. 244.

[51] *Marc le diacre*. Vie de Porphire, évêque de Gaza / Texte établi, tradui et commenté par Henri Gregoire et M.-A. Kugener. Paris, 1930. P. 32.

[52] Ibid. P. XLIII.

[53] Douze récits... P. 260; Древние жития... С. 344–345.

Еще один отрывок относится к описанию смерти императрицы Евдоксии, где, несмотря на покаяние императрицы и ее молитвенного обращения к Златоусту о помощи, он не помогает ей, и императрица умирает: «И сказала она врачам: Почему вы не можете победить мою болезнь? Они же остерегались ответить ей, зная, что болезнь неизлечима. Она, отвечая, говорит им: Если вы не знаете причины, я вам скажу: эта болезнь ниспослана Богом из-за греха, который я совершила по отношению к епископу Иоанну, и если он не заступится за меня перед Богом, я не выздоровею. Отягощенная болезнью и потерявшая надежду на выздоровление, она возвращает детям Феогноста их виноградник. И не только это, но и многим, по отношению к кому она поступила несправедливо, она вернула деньги и имущество»[54].

Во всех отрывках Иоанн Златоуст представлен жестоким и лишенным милосердия, и это находится в русле той трактовки его образа, парадигма которой задана в псевдоэпиграфической литературе, возникшей в стане его врагов.

Таким образом, «Житие Иоанна Златоуста», приписываемое Георгию Александрийскому, в отличие от памятников ранней агиографии: «Диалога» Палладия и «Жития» пс.-Мартирия, которые выражают взгляд на Иоанна Златоуста его сторонников и друзей, невольно вбирает в себя негативное отношение к нему его недоброжелателей. Однако на основании его образа, созданного в этом «Житии», многие поколения составляли для себя представление о святом. Как писал Ф. ван Оммеслеге, «Образ, который, таким образом, сделался популярным, будет в некоторых своих чертах результатом клеветнических маневров и даже жестокой борьбы между сторонниками и врагами Иоанна»[55].

Последующие, посвященные Иоанну Златоусту жития, находятся по своему содержанию в непосредственной зависимости от «Жития», приписываемого Георгию Александрийскому. Самыми значительными и известными из этих агиографических памятников являются неопубликованное Житие» Никиты Философа[56] и два анонимных жития: одно, опубликованное Г. Сэвилом[57], а другое, обнаруженное в 73 кодексе Ватопедского монастыря, — Ф. ван Оммеслеге[58], а также «Житие» Симеона Метафраста[59]. Таким образом, «Житие» Георгия Александрийского определило развитие агиографии Иоанна Златоуста на столетия вперед.

© Балаховская А.С., 2009

[54] Douze récits... P. 275; Древние жития... С. 356.

[55] *Ommeslaeghe F.* Jean Chrysostome en conflit avec l'imrératrice Eudoxie. P. 159.

[56] Bibliotheca Hagiographica Graeca, 876k.

[57] St. Joannis Chrysostomi Opera graeca / Ed. Savilius H. Eton, 1612–1613. V. 8. P. 293–371; Bibliotheca Hagiographica Graeca, 876.

[58] *Ommeslaeghe F., van*. Une vie acéphale de saint Jean Chrysostome dans le Batopedius 73 // Analecta Bollandiana. V. 94. Bruxelles, 1976. P. 317–356.

[59] PG 114, 1045–1210.